

Небольшое предисловие к истории вопроса

Выгонку спирта из ржи, пшеницы и ячменя — «винокурение» — на Руси освоили в XV веке, а так как все зерновые продукты тогда называли общим словом «хлебы», то водку стали называть «хлебным вином». Долгое время «хлебное вино» изготавливали частным образом, и никакого торга этим товаром не велось. Продавать водку стали при царе Иване Грозном, по приказу которого в 1552 году открылся первый на Руси кабак. Царь Борис Годунов открыл уже не один, а сразу несколько подобных заведений, которые назывались «царёвы кабаки», ибо принадлежали казне, принося доход. Тогда же была предпринята попытка ввести первую монополию на торговлю водкой: *«чтобы мимо кабаков царёвых никто хлебного вина не курил, пива не варил и медов не ставил».*

В XVII столетии тот, кто хотел торговать хлебным вином, должен был внести в казну «откуп» наличными деньгами. Откупщик получал разрешение «приготавливать хлебное вино» и вести им торг, компенсирова свои затраты и получая прибыли. Торговавшие напитками купцы считались состоящими на государевой службе. Они давали присягу, подтверждённую целованием креста, отсюда и вышло название им: целовальники. Торг напитками должно было вести только в кабацких избах, которые назывались кружалами. Согласно закону, целовальники обязаны были следить за тем, чтобы в кружалах всё было *«чинно, без ругни, зубоскальства и поношения».* Драки и азартные игры

не допускались — нанятые целовальниками люди следили за порядком, и все поползновения к его нарушению пресекали в корне.

Порции наливались целовальником в кружки или стопы, которые покупатель держал над чаном, и всё пролитое в чан по закону принадлежало кабаку. **(Вместимость стопы считалась по-разному: в XVI веке цена бочонка красного вина равнялась цене 200 стоп, позже ведро оценивалось в 20 стоп, а кружка оценивалась в цену двух с половиной стоп).** Это правило породило особую специальность кабацкого «подтолкуши». Обычно на эти роли назначали молодых пареньков из числа молодцов, нанимаемых целовальниками. В их задачу входило создание искусственной суеты и давки возле стойки в момент наливания порции в стопу или кружку, а искусство их заключалось в умении ловко подтолкнуть покупателя выпивки под руку, чтобы из стопы немножечко плеснулось в чан. Понемножечку с каждого за день — глядишь, а в чане чего-нибудь да набегало сверх того, что официально было продано.

В кабаках было запрещено кому бы то ни было удерживать «питуха» от покупки вина, потому что потраченные на вино деньги пополняли казну. Если кончались наличные, целовальник был готов отпустить выпивку под залог вещей или приняв их в уплату. Принятые в залог и уплату полушубки, тулупы, кафтаны, шапки, рукавицы и сапоги целовальники вывешивали над стойкой, продавая их желающим приодеться за недорогую цену. Если человек просто отдавал вещь за выпивку, ему из кабацких запасов давали «сменку» — заношенное платье, цену которого вычитали, наливая меньше вина. Обычно «сменка» из кружала не уходила, так как пропивали и её... Взамен вручалось уже совершенное рублище, и пропить «вторую сменку» не удавалось ни одному кабацкому виртуозу. Зайдя в питейное заведение, легко можно было определить, как долго в нём «заседают» пропойцы — кто в добротном своём, кто в «сменке», а кто уже в лохмотьях.

Кроме вещей в уплату принимали и людей — прямо в кабаке можно было запродаться лично. По закону любой свободный человек мог продать себя, подписав особый документ — «кабалу» — заключив договор, по которому он становился «служилым холопом» того, кто оплачивал его долг целовальнику. Договор заключался на время, за которое закабалённый должен был отработать долг, а если он не мог рассчитаться обработкой, то оставался холопом «по все дни».

* * *

Торговля горячительными напитками несколько раз реорганизовывалась в поисках наиболее оптимального соотношения между соблазном больших доходов, приносимых винным торгом, и боязнью пагубных последствий порождаемого таким торгом повального пьянства.

Одно время считали, что пьянство идёт в народе оттого, что небольшую порцию выпивки всякий может купить. Дабы пресечь такой соблазн, велено было продавать вино только в кувшинах — литра по три каждый — рассчитывая, что к праздничку или «по случаю» люди и так берут помногу, а в обычные дни покупать такое большое количество вина не смогут и останутся трезвыми. Как бы не так! Питухи мигом приспособились покупать напитки вскладчину — «соображать на троих» — в точности так же, как их отдалённые потомки.

При царе Алексее Михайловиче кабаки стали называть кружалами, и велено было их в городах собирать в одно место — на «Кружечный двор» — который надлежало оградить забором. Торг напитками вёлся только на этом дворе и только порционно, в оговорённые царским указом часы и дни: *«а в Великий пост, и о Светлой неделе; и в Успенский пост тоже; и в воскресные дни во весь год, а Рождественского и Петрова постов, в среды и пятки, с того Кружечного двора продавать не велено».*

Главный целовальник — голова «Кружечного двора» — присматривал за теми, кто часто и помногу покупал порции, сливая вино во фляги. За подозрив кого-либо в «корчемстве» — тайной перепродаже вина — целовальник-голова просил у местного воеводы стрельцов, да прихватив своих молодцов и младших целовальников, шёл с ними на двор к заподозренному тайному винопродавцу. Если во время обыска запасы вина обнаруживались, целовальник производил «законную выемку товара», а изобличённый «корчмарь» отправлялся в узилище. Обвинение ему выдвигалось нешуточное: обворовывал, щучий сын, казну государеву! В таких случаях хорошо если по приговору суда он отделялся поротым задом да уплаченным штрафом.

* * *

С 1700 года по указу царя Петра Алексеевича стали праздновать новолетие, начиная от 1 января каждого года. Дабы отметить этот день, царским указом велено было *«Украшать большие улицы, храмины и ворота украшениями из хвойных деревьев».* Украшение кабаков, отдававшихся на казны на откуп, признавалось совершенно необходимым делом, а потому целовальники стали привязывать к крышам и воротам своих заведений ёлки. Кабацкие ёлки прежних времён оставались на своих местах весь год, до того момента, когда в конце декабря из лесу привозили свежие. Поэтому, приглашая товарища выпить, говорил бывалыча один русский человек другому: «Пойдём-ка под ёлку» или «Сходим-ка, брат, к Ивану Ёлкину», а того, кто упивался допьяна, называли «ёлкиным».

При императрице Екатерине II кабацкие крыши велено было украшать государственными гербами в виде двуглавых орлов, вырезанных из жести, а сами кабаки для благозвучности переименовали в «питейные дома». Содержание питейных домов стали отдавать на откуп с торгов сроком на 4 года.

«Хлебное вино» откупщики частью получали от казны, частью выгоняли своё. Больше всего в кабаках продавался «полугар» — ржаная водка 38-градусной крепости, название, которое происходит от способа определения качества путём отжига. Вылитое в клеймёную металлическую мензурку «хлебное вино» поджигалось и должно было выгореть ровно на половину мерки. Более крепкую водку называли пенником — она стоила дороже. Из-за плохой перегонки водка отдавала сивухой, и потому простое «хлебное вино» пили совсем бедняки и конченные пропойцы. Люди с понятиями и возможностями предпочитали водочные настойки на травах, ягодах и фруктах, отбивавших сивушный запах и вкус.

Наиболее популярной была настойка «Ерофеич», получившая название то ли от знаменитого виноторговца Василия Ерофеича, то ли от московского цирюльника Ерофеича, настаивавшего водку на травах и лечившего ею людей. Цирюльник тогда был отчасти медиком, равным фельдшеру, и, как рассказыва-

ли, цирюльнику Ерофеичу удалось своими настойками вылечить графа Алексея Григорьевича Орлова от желудочного недуга. Кроме «Ерофеича», в большом ходу были водки «Анисовая», «Тминная», «Перцовая» и «Рябиновка». «Листовку» настаивали на молодых листьях и почках смородины, «Травник» настаивали на разных травах. Те, кто мог себе позволить, закупал «хлебное вино» в кабаке и настаивал напитки дома, используя семейные рецепты.

Частный сыск откупщика Шульгина

Главной заботой откупщиков была борьба с нелегальными конкурентами. Нажиться на торговле водкой хотели слишком многие, а так как товар у нелегалов стоил дешевле, то и покупать его предпочитали у них. Чтобы плаченные за водку денежки не миновали их мощны, откупщики, превосходя усердием и бдительностью государственную полицию, сами выслеживали тех, кто торговал «корчемным вином», и принимали меры к пресечению такой торговли. Из собственных средств откупщики содержали подобие частной полиции, или, если угодно, служительской команды, оплачивая услуги тайных осведомителей.

В марте 1788 года коломенский винный откупщик Тимофей Шульгин от своих шпионов узнал, что на двор московского купца Егора Филипповича Хлебникова привезли «корчемное вино». До Шульгина и раньше доходили сведения о том, что на дворе Хлебниковых идёт тайный винный торг. В ночное время там продавали «хлебное вино» собственной выгонки, не отказывая никому, кто спросит. Люди Шульгина установили слежку за подозрительным двором. Они только и ждали, когда туда доставят побольше товара, чтобы накрыть преступную компанию с поличным. Как только откупщику донесли, что вино привезли, он 6 марта 1788 года обратился к коломенскому городничему (шефу городской полиции) господину майору Дурново с «объявлением», в коем «прописывал» про то, что *«уведомился он, что к жительствующему здесь московскому купцу Егору Филиппову Хлебникову привезено в дом корчемное вино, которое он да и неоднократно по дошедшему ему сведению отпускает разным людям»*. На этом основании Тимофей Шульгин просил у господина городничего команду полицейских для проведения обыска и выемки незаконного товара.

Майор Дурново приказал поручику Ивану Долгову взять сколько нужно полицейских солдат, чтобы совместно с людьми откупщика провести планируемую операцию. В качестве представителя городской власти в этом деле должен был принять участие ратман городского магистрата Иван Половинов.

Ближе к полуночи сводный отряд борцов с контрабандной торговлей водкой выдвинулся от городского магистрата и, с осторожностью пробираясь по затихшим улочкам города, в ночных потёмках достиг прихода церкви Николы-на-Посаде, где находился двор Хлебникова. По приказу поручика Долгова полицейский сержант Афанасий Семёнов с солдатами Спиридоном Калининым и Тимофеем Смирновым, а также с двумя служителями откупщика Шульгина отправились в обход усадьбы, к воротам заднего двора. Сам же Шульгин со своими людьми и поручик Долгов остались в засаде у главных ворот усадьбы. Им в руки попались выходившие со двора солдатская жена Дарья Яковлева и пономарь коломенской церкви

Алексея Человека Божия Семён Дмитриев, у которых в руках было по четвертной бутылки с водкой. При аресте пономарь оказал сопротивление и во время возникшей потасовки умудрился свою бутылку разбить, уничтожив тем самым улику. Весьма основательно намяв ему бока, люди Шульгина скрутили дерзкого церковника и под конвоем полицейского солдата и двух работников Шульгина отправили его до поры на откупщиков двор. Следом повели и солдатку Дарью, но уже не под таким крепким караулом.

* * *

Захватив нелегальных покупателей водки у ворот усадьбы, люди Шульгина и полицейские ворвались во двор и возле амбаров застали хлебниковских работников Максима Абрамова и Михаила Антонова, а с ними некоего Егора, дворового человека из села Горбова, имения супруги купца Анны Леонтьевны, урождённой дворянки Вячесловой. Произведя аресты, полицейские и «шульгинские» люди пытались осмотреть и купеческие хоромы, чему им активно мешали хозяева, их родственники и слуги. Разгорелся скандал, на шум которого поспешила команда сержанта Семёнова, проникнувшая к месту событий через задний двор усадьбы. Они застали во дворе хозяина дома с палкой в руке, его супругу Анну Леонтьевну, её родного братца, подпоручика Василия Леонтьевича Вячеслова, и ещё каких-то людей с поленьями в руках, готовых драться.

По прибытии сержанта и его подчинённых численный перевес, а с ним и сила закона явно перешли на сторону незваных гостей, явившихся к Хлебниковым ночной порой. Видя, что дело принимает дурной оборот, торговавший вином Максим Абрамов вырвался из рук шульгинских служителей и сбежал. Поручик Долгов приказал солдату Калинину взять брошенный на дворе бочонок и нести его в дом. Там бочонок в присутствии четы Хлебниковых был опечатан. Полицейские и откупщик пожелали обыскать купеческие хоромы, но хозяева принялись скандалить, всячески им в этом препятствуя. Особенно старалась мадам Хлебникова — дама молодая и горячая нравом: она визгливо верещала, что-де как дворянка родом, дочь поручика и владелица села Горбова имеет права перевозить вино по уезду и держать его в доме. Урождённая дворянкой купчиха грозила всякими невзгодами своим слушателям, заявляя им, что не позволит «явившись в дом, разбойничать и грабить». При этом мадам совершенно не стесняла себя в выражениях, употребляя всяческие замысловатые обороты русской простонародной речи самого оскорбительного свойства.

У полицейских и Шульгина возникло опасение, что, покуда Анна Леонтьевна заговаривает им зубы, где-то в недрах дома спешно прячут «корчемное вино» в надёжные тайники. Так это было или нет, но когда сопротивление Хлебниковых было сломлено и шульгинские парни вместе с полицейской командой осмотрели дом, то ничего подозрительного найти им не удалось. В одном из чуланов был обнаружен хрустальный графин мерою в полуштоф, в котором было водки рюмки на две. Хозяева пояснили, что эту водку они совершенно законным образом приобрели в кабаке.

Обыск продолжился в подсобных и хозяйственных постройках, но там тоже полицейским ничего найти не удалось. Когда же обыскивающие пришли к двум амбарам, двери которых были заперты на замки, хозяева наотрез от-

казались их открыть, отговаривались тем, что-де ключи сейчас, когда в доме навели такой беспорядок, найти трудно, а время уже позднее. В этом поручик Долгов и Шульгин с ними согласились, приказав выставить у амбара караул из полицейского солдата и работника откупщика. Вся команда собралась уходить. Они усадили в сани Егора Филипповича Хлебникова и по Никитской улице понеслись к дому городничего. Там Егора Филипповича продержали два часа и «за поздним временем» отпустили его домой без допроса.

* * *

На другой день господин городничий производил допросы арестованных. А надо сказать, что, зная нрав господина Дурново, его откровенно побаивались, так как майор при случае и сам не брезговал «руку приложить к личности», если допрашиваемый «начинал упорствовать», и людей своих в этом вопросе не ограничивал. Примеров тому в коломенской истории человеческих мытарств по полицейским инстанциям сохранилось предостаточно. Поэтому, престав пред очами грозного начальника полиции, арестованная у ворот двора Хлебникова солдатка Дарья Яковлева отвечала без утайки.

Показала она, что лет ей 35 и она жена крепостного крестьянина Абрама Максимовича Цепелева, что находится во владении господина Фёдора Алексеевича Наумова, хозяина села Неверова. Муж её был отдан в солдаты тому уж лет с 20 назад. Сама же она жительствовала в Коломне по паспорту, выданному три года назад Уездным судом, нанимаясь в услужение разным господам. Последние пять лет она прожила на дворе у Хлебниковых в прислугах без платы, но недели три назад перешла к архиерейскому служителю Ивану Емельяновичу Каплахову, двор которого в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

По сути же дела Дарья поведала о том, как в понедельник шестого марта шла она по Житной площади и насупротив дома вдовы коллежского советника Татьяны Ивановны Тетюшовой повстречала своего знакомого — хлебниковского работника Максима Абрамова, который пригласил её вечером на двор к Хлебникову, не пояснив зачем. Тем же вечером Дарья пошла на двор к Хлебникову и там застала хозяйского работника Михаила Антонова да Егора, дворового человека из села Горбова. С ними был пономарь церкви Алексея Человека Божия Семён Дмитриев. Потом пришёл звавший Дарью Максим Абрамов, который выкатил из амбара бочонок с водкой и стал продавать её пономарю. Он налил для Семёна две четвертные бутылки. Одну, по словам пономаря, он приготовил для попа Николиной-на-Посаде церкви, а другую для себя. Ту бутылку, что назначалась попу, Семён Дмитриев дал Дарье, попросив помочь ему донести её, другую взял сам. А как вышли за ворота, тут их схватили, и пономарь свою бутылку разбил.

По словам Дарьи Яковлевой, при продаже вина ни Егора Филипповича Хлебникова, ни супруги его не было и продажи на их дворе работники производили тайно от хозяев. Продавал же вино Максим Абрамов уже не впервой. До того Дарья видела и помогала ему раза три, в том числе перед Рождеством 1787 года. Донести об этой тайной коммерции Дарья боялась, опасаясь побоев, коими Абрамов грозил её попотчевать, коли она проболтается. От греха подальше она ушла со двора Хлебниковых,

но Максим отыскал её и снова понудил принять участие в тайном торге. Сама же она никогда незаконно вина не приобретала.

В отличие от Дарьи, пономарь Семён Дмитриев отрицал всё начисто! Он уверял, что не покупал никакого вина и вообще в эту историю попал случайно. Шёл он, дескать, из гостей, от брата своего Игната Дмитриева, пономаря церкви Никиты Мученика, и когда проходил мимо двора купеческой жены Ирины Хлебниковой, на него набросились какие-то люди, повалили, стали его бить ногами и таскать за волосы. Потом его подняли и повели на двор к винному откупщику Шульгину, а оттуда под конвоем драгуна отправили в дом к городничему. Дорогой пономарь, «опасаясь несносных побоев», сбросив шубу и оставив рукавицы, от конвоира сбежал, но скрывался недолго. Как только его призвали, явился для дачи показаний. Предъявленные ему осколки бутылки, разбитой при задержании, признать своими пономарь отказался. Вещи, брошенные при побеге, опознал как свои.

* * *

Покуда господин городничий снимал допросы, поручик Долгов и поверенный откупщика Иван Попов, явившись со своими людьми на двор Хлебникова, сызнава попросили хозяев отпереть им амбары, не осмотренные ночью. Но Хлебниковы опять отговорились тем, что, дескать, ключи куда-то задевались. Тогда полицейские просто топором сбили замки и проникли внутрь амбаров. Ничего незаконного в этих помещениях обнаружено не было. Зато под забором со стороны улицы усмотрен был трёхведёрный бочонок из-под водки, который, очевидно, успели перебросить со двора уже во время ночного обыска. Но Хлебниковы отказались признать этот бочонок своим.

Покончив с обыском, откупщик и поручик потребовали Егора Филипповича, чтобы вести его к допросу. В сани Хлебникова они хотели положить найдённый под забором бочонок. Но Хлебников ногами выбил его вон, заявив, что бочонок этот не его, ему его подкинули и он не желает иметь к нему никакого отношения.

При допросе в доме господина городничего, при увещании иерея Брусенского девичьего монастыря Егора Варфоломеева, в присутствии бурмистра коломенского городского магистрата Ивана Канина, Егор Филиппович Хлебников показал: лет ему от роду 65, у исповеди в прошлом году он был, но не причащался; пишется он московским купцом, но живёт в Коломне своим двором. Суть же показаний, данных им по делу, сводилась к тому, что о тайной винной продаже он ничего не знал. В действиях откупщика и полиции усматривал одно только желание запутать его в дело. На том он и стоял твёрдо.

Супруга его, дворянская дочь Василиса Леонтьевна Вячеслова, оказалась более разговорчива. Была она тридцатью годами моложе мужа, происходила из дворянской семьи поручика Леонтия Михайловича Вячеслова и «понятий о себе» имела предостаточно. Ни в чём оправдываться Василиса Леонтьевна не собиралась и ещё норовила обвинить «во многих бедах» полицейскую команду.

С её слов, прошедшей ночью весь дом был поднят на ноги криком дворового человека Максима Абрамова, звавшего на помощь. Предпо-

лагая разбой, хозяйева дома и их гости — брат Василисы Леонтьевны, подпоручик Вячеслов, и дворянский заседатель нижнего земского суда нижегородского балохнинского наместничества, подпоручик Мартин Сергеевич Евлахов, вышли на двор, где было множество незнакомых людей. Дело едва не дошло до драки, но когда выяснилось, что людьми командует полицейский поручик Долгов и винный откупщик Шульгин, они с мужем подчинились. Обыск ничего не дал. При них опечатали какой-то бочонок, но допрашиваемые сказали, что видят его впервые. О том, где находится сбежавший дворовый человек Максим Абрамов, Василиса Леонтьевна сказала, что не знает, но полагает, что полицейские его убили, чтобы скрыть свои беззакония. И ещё уверяла, что за время обыска со двора увели карего мерина со всей сбруей.

Эти обвинения были отвергнуты полицейскими, уверявшими, что на мерине том при них со двора уехала мачеха Хлебниковой, собравшаяся к протопопу за каким-то ключом. Поясняли же они это тем, что *«сие её, Хлебниковой, показание учинено действительно ложное и несправедливое и служит оно единственно только ко одному их запретительству, дабы тем самым закрыть учинённый ими против закону поступок и избавиться от оштрафования»*.

По результатам этих допросов городничий Дурново направил супругов Хлебниковых в коломенский Уездный суд для проведения формального следствия. Отдельно он просил суд *«за напрасное нареkanie полицейской команды учинить Хлебниковой нареkanie»*.

Суд же, рассмотрев дело, нашёл, что будет достаточным ограничиться взысканием с Хлебникова восьми рублей двадцати восьми копеек. Однако же денег с купца получить не удалось, так как Егора Хлебникова признали *«находящимся не в своём уме»*, а жена за него платить отказалась. Дело тянулось больше года и кончилось тем, что двадцать третьего октября 1789 года в дом Хлебникова был послан штаб-лекарь Оберлинг для освидетельствования умалишённого, но хозяина не застал. Домашние объяснили, что Егор Филиппович уехал в Москву к детям. О сём и рапортовал в губернскую инстанцию городничий Друкарт. Этим пассажем и заканчивается архивное дело «О корчемном вине Егоря Филипповича Хлебникова», числящееся в архиве ЦИАМ ЦХД до 1917 года в фонде 101 описи 1 под № 367.

Община против кабака

Сколь ни странно это может прозвучать, но наиболее серьёзные проблемы у откупщиков возникали не в результате происков конкурентов, ведших нелегальный торг горячительными напитками, а из-за сопротивления тех, кому предназначался кабацкий товар. Против кабаков в своих селениях ополчались крестьяне, обращавшиеся к начальству с просьбой избавить их от этих заведений.

Сейчас, когда русская старина опутана легендами и мифами, подобное утверждение кажется невероятным. Сложилась уже репутация русского человека — горького пьяницы, с вытекающей из этого факта бравадой и странной даже заносчивостью в суждениях, согласно которым пьянство

является неотъемлемой частью русской культуры и быта. Утверждение того, что русские люди по собственному почину требовали их избавить от торговли водкой, воспринимается как неуклюжая попытка чиновничьей пропаганды, пустословием, которым «начальство само себе зубы заговаривает». И тем не менее... Чтобы это не выглядело очередной попыткой искусственного создания перекошенной «духовной скрепы», обратимся к надёжным архивным документам, повествующим о событиях 1805 года, развернувшихся в селе Протопопове Коломенского уезда. (ЦИАМ ЦХД до 1917 года ф.16 оп.3 д.1349)

* * *

Винная торговля в селе Протопопове была заведена в девяностых годах XVIII столетия, но вино там продавалось с лотка, называемого «временной выставкой», только весной и в начале лета, *«в Сырную и Святую недели, весь май месяц, в Троицын день и десятую пятницу»*. Такие порядки сохранялись до начала XIX-го столетия.

В 1803 году губернская Казённая палата отдала винные сборы в Коломенском и Серпуховском уездах генерал-лейтенанту Петру Михайловичу Лунину. Этот достойный муж происходил из старинной семьи рязанского дворянства и владел несколькими сёлами и деревнями в Спасском уезде Рязанской губернии, населёнными семью с лишком сотнями душ крепостных крестьян. Пойдя проторённым предшественниками путём, юный Пётр Лунин поступил в гвардейский полк, откуда вышел в армию, став активным участником сражений турецкой кампании 1768–74 годов. При штурме Тульчина в 1771 году Лунин захватил турецкую батарею о четырёх орудиях, за что был произведён в чин капитан-поручика и награждён Георгиевским крестом. К концу той войны он был уже полковником, а ещё через шесть лет его произвели в генерал-майоры. В дальнейшем Пётр Михайлович служил под началом фельдмаршала Каменского и в отставку вышел после смерти императрицы Екатерины Великой с чином генерал-лейтенанта. Как говорится — достойный путь честного солдата «екатерининского века»: начал карьеру при «матушке-императрице» и после её кончины вышел из службы в генеральских чинах.

После отставки Пётр Михайлович поселился в Москве, в собственном доме на Никитском бульваре, ведя подобающий московскому барину образ жизни. Женат он был на Авдотье Семёновне Хвостовой, но, как и многие пары того века, супруги «жили врозь», не докучая друг другу. Генерал слыл человеком компанейским, был увлекательным рассказчиком о своих военных приключениях в разных странах, хотя и имел невинную страсть несколько украшать реальность «фантастическими красками и несбыточными узорами».

Ещё большую известность генералу Лунину принесло его гурманство и хлебосольство. С его поваром, французом месье Эме, который радовал Петра Михайловича и его многочисленных гостей плодами своего искусства, этого барина связывала настоящая дружба. Раз как-то Лунин вызвал на дуэль дворянина, оскорбительно отозвавшегося о его шеф-поваре. Сам месье Эмме, не будучи дворянином, послать вызов обидчику не мог, и его превосходительство принял миссию чести на себя.

Добившись передачи ему винных откупов по Коломенскому и Серпуховскому уездам, самолично Пётр Михайлович во все тонкости дела не входил, препоручив все заботы своему комиссионеру, коллежскому регистратору Ивану Андреевичу Колбенскому. От имени своего патрона Иван Андреевич в начале февраля 1803 года подал в губернскую Казённую палату прошение *«о дозволении на основании 1-го пункта контракта учинить в экономическом селе Протопопово Коломенского уезда ежедневную продажу напитков»*. Казённая палата предписала коломенскому уездному земскому исправнику сделать заключение о том, что разрешение постоянной продажи водки в Протопопове не нанесёт ущерба интересам других откупщиков. Земский исправник рапортовал двадцать второго февраля 1803 года о том, что ближайший к Протопопову питейный дом находится в селе Городня Зарайского уезда Рязанской губернии, расположенном на другом берегу реки Оки в восемнадцати верстах, и потому открытием кабака в Протопопове ничьи интересы ущемлены не будут.

Однако совсем иного мнения придерживалась протопоповская крестьянская община. Термин «экономическое село», использовавшийся в документах по делу, обозначал, что прежде Протопопово принадлежало церкви, и после секуляризации церковных имуществ, проведённой в шестидесятых годах XVIII столетия при Екатерине Великой, крестьяне этого села были переданы в ведомство Коллегии экономии и с той поры назывались «экономическими». Жители таких сёл пользовались особыми правами, отличавшимися от прав крепостных и дворовых, которые все дела вели через своих хозяев. Свои права «экономические крестьяне» села знали и пользовались ими весьма и весьма активно, не испытывая никакого смущения перед чинами и богатством Лунина, против интересов которого они выступали.

Уже семнадцатого марта того же 1803 года в Казённую палату подано было «доношение» протопоповского крестьянского старосты Андрея Родина, который от имени сельского общества просил не позволять откупщику Лунину устраивать в их селе ежедневную торговлю водкой. Эту просьбу крестьяне мотивировали тем, что даже при устройстве временных продаж в праздничные дни *«от пьянства многие огорчения и убытки люди претерпевали»*, а уж при постоянно торгующем кабаке в селе житья и вовсе не станет.

Московские чиновники Казённой палаты сочли, что коли первый пункт контракта позволял устройство постоянного питейного дома в селе, а никакого «подрыва иным интересам», согласно сделанному земским исправником заключению, быть не могло, то и препятствий дать на то разрешение нет. Главный же резон в этом решении заключался в том, что, согласно справке, *«винные сборы с продаж вина противу прежних лет приносят значительные недодачи»*. Потому разрешение на постоянную торговлю в Протопопове откупщику было дано. Просьба же крестьян была признана «не заслуживающей уважения». Согласно определению Казённой палаты от двенадцатого июля 1803 года, коломенский уездный Земский суд должен был предписать крестьянам села Протопопова, чтобы они отдали для питейного заведения каменный дом, стоящий на приличном месте, или выделили землю в селе под его постройку на собственные средства откупщика. При этом указывалось, что питейный дом должен был располагаться в значительном удалении от сельской церкви.

Именно на это замечание относительно расстояния от церкви крестьяне и обратили внимание, стараясь во что бы то ни стало отделаться от кабака в своём селе. Воспользовались же они тем, что по представлению господина министра финансов действительного статского советника, графа Алексея Ивановича Васильева, Правительствующий Сенат постановил: *«полагать заведённые господином Луниным с позволения Казённой палаты в казённых селениях питейные дома оставить только в тех местах, где крестьяне будут на то согласны. А где они таковых новых питейных домов у себя иметь не пожелают, то там оные уничтожить»*. И крестьяне не замедлили объявить о своём нежелании иметь в селе кабак, так как он расположен вблизи от церкви. Земскому суду тринадцатого февраля 1804 года предписано было уничтожить питейный дом откупщика Лунина в селе, а разрешить только временные продажи в праздничные дни. И пятнадцатого марта в Казённую палату поступил рапорт о том, что питейный дом в Протопопове закрыт.

* * *

Но и виноторговцы сдавать свои позиции не собирались! Коллежский регистратор Иван Колбеовой обратился в Земский суд, заявляя, что продажу водки прекращать нельзя. По мнению Колбеового, крестьяне ложно утверждали, что якобы кабак находился вблизи церкви. На самом деле питейный дом стоял вне Протопопова, прямо на берегу Оки, и вовсе был скрыт от вида села прибрежной горой. Такое местоположение заведения было выбрано совсем не случайно: *«Находится он именно в этом месте по той причине, что в летнее время там бывает перевоз через реку Оку, а зимой переезд по льду замёрзшей реки, и мимо питейного города пролегла большая Рязанская дорога. От этого в имеющемся при Девичьей переправе (в Бочманово напротив Щурова) питейном доме происходит не продажа пива. Порой теперь и вовсе продаж не бывает. В летнее время большая часть обозов идёт через протопоповский перевоз, отчего в питейном доме у Девичьей переправы при платеже откупной суммы бывает недобор»*. А так как недобор денег в кабаке у Девичьей переправы наносит ущерб казённым интересам, то господин Колбеовой и просил компенсировать потери за счёт устройства «подвижной продажи» на берегу Оки подле протопоповского перевоза.

И сызнова приказано было коломенскому уездному Земскому суду провести расследование по данному вопросу, о чём и рапортовать Казённой палате. В рапорте том сообщалось: *«По выяснению в Земском суде оказалось, что оное село Протопопово строением стоит поблизости от лежащей Астраханской дороги на берегу реки, разделяющей своим течением границу Рязанской и Московской губерний. На коломенской стороне в этом месте ломка дикого камня, который поставляется в г. Коломну, перевоза водой до устья Москвы-реки, неподалёку от того места впадающей в Оку, и вверх по Москве-реке до пристани.*

Там же подле Протопопова из-за мелководности Москвы-реки происходит выгрузка товаров с судов, а затем эти товары идут сухим путём. Летом у Протопопова действует крестьянский перевоз через Оку, а зимой через село проходит большая дорога, которая выходит на коломенский тракт. Тради-

ционно в этом месте производились винные продажи, и любители выпить всегда здесь делали остановку. Сами протопоповские крестьяне в склонности к злоупотреблению горячительными напитками Земским судом замечены не были. Они большей частью занимаются извозным промыслом, и государственные пошлины в положенное время вносили. По сим обстоятельствам пункта 28 контракта с откупщиком Земский суд определил при том перевозе позволить подвижную продажу, но в рассуждении предписанного Казённой палатой уничтожения питейного дома указа и нежелания крестьян, суд собой дозволить онаго не может. О чём и представил, испрашивая у палаты распоряжений».

* * *

Летом 1805 года генерал Лунин обратился к московскому губернатору Беклемишеву с прошением, сетуя на то, что принадлежавший его откупу питейный дом в селе Протопопове, якобы находящийся вблизи церкви, решением Земского суда, исполнявшего постановление Казённой палаты, был опечатан, его служители высланы, а напитки вывезены. Всё это нанесло откупщику большие убытки, и генерал взывал к справедливости. С его точки зрения дела обстояли так: «До 1799 года в Протопопове не было особого питейного дома, а торговля горячительными напитками — в Сырную и Святую седмицы, весь май, Троицын день и десятую пятницу — производилась посредством временной выставки, не имевшей помещения. Нужды в таковом помещении не было, ибо в близком от села Протопопова расстоянии с давних лет состоит окладной питейный дом на берегу реки Оки при казённом перевозе, называемом «Девичьим перевозом». Однако же в недавнем времени протопоповские крестьяне учредили при своём селе самовольно в свою пользу через реку Оку собственный перевоз, чем обратили к себе в село проезжающих по Астраханскому тракту, особливо людей с товарами, идущими с партикулярными обозами. Через прежний «Девичий перевоз» стала ездить одна только казённая почта, а более никто. Такая перемена скверно отозвалась на выручке питейного дома у Девичьей переправы, прежде торговавшего вполне бойко».

Для того, чтобы получить откуп, в 1803 году генерал Лунин при торгах «сделал значительную наддачу», и ему было дано разрешение открыть в Протопопове питейный дом: «Под питейный дом отвели землю вне села под горою, у самой реки, где при заведённом перевозе. Следовательно, закон был соблюден безукоризненно, и причин неудовольствия протопоповских крестьян не было. После того, как кабаком постановлением Казённой палаты закрыли, комиссионеру оставили выставочную торговлю вином, водкой, пивом и наливками. Но ему нужно место для хранения товара, особенно в зимнее время, чтобы пиво и вина не перемёрзли. Также нужно было укрываться от воздушных непогод тем, кто будет торговать. Коли по желанию протопоповских крестьян питейный дом ломают, то комиссионеру его нельзя будет развернуть свою выставочную торговлю».

Исходя из этих рассуждений, генерал Лунин обращал внимание господина губернатора на пункт постановления Сената, согласно которому «питейный дом или временная выставка в каком-либо селении ни было, вошед единожды в сложность без особого на то именного указа, как оброчная ста-

тья, уничтоженной из оклада быть не может». Иными словами — торговое заведение, приносящее налоговый доход казне, может быть уничтожено только по силе именного указа императора. Просил же генерал Лунин губернатора Беклемишева не допустить слома кабака в Протопопове, разрешив производить в нём временные продажи, для чего дом надо было распечатать и доставить в него вывезенный товар, вернув к тому дому служителей. В случае же отказов в просьбе о фактическом оставлении питейного дома на прежнем месте Лунин просил губернатора уничтожить крестьянский самовольный перевоз через Оку, как устроенный без разрешения от властей, чтобы поток обозов и людей, переправляющихся через реку, вернуть к Девичьей переправе, где был постоянный окладной кабак, терпевший убытки.

Практически одновременно с этим прошением в Москву пришло и очередное прошение крестьян, просивших уничтожить кабак. Вскоре после того в Протопопово приехал земский исправник и, отсчитав от стоявшего опечатанным питейного дома сажений десять по окскому берегу вниз по течению, указал на это место комиссионеру откупщика. Здесь исправник дозволил Ивану Колбевному выстроить «дощатый шалаш», где вскоре торговля стала производиться ежедневно. Через несколько дней после того в Протопопово приехали дворянский заседатель Земского суда, генерал Лунин, и уездный стряпчий Фетолаев, которые вместо уничтожения питейного дома его опечатали и заперли.

Крестьяне прибегали к защите заседателя, исправника и стряпчего, ссылаясь на указ Сената и предписание губернатора об уничтожении питейного дома. Но чиновники их просьбам не вняли. Тогда по постановлению сельского общества староста снова написал прошение в губернскую инстанцию, обращаясь к губернатору Беклешову, прося его уничтожить питейную торговлю в Протопопове. И в этот раз хлопоты общины возымели полнейший успех: по предложению губернатора вышел императорский именной указ, согласно которому питейный дом в селе Протопопове следовало уничтожить. В феврале 1806 года коломенский Земский суд доносил Казённой палате, что торговля в питейном доме, находящемся в селе Протопопове, не производится, а сам дом стоит опечатанный и заколоченный. Такие вот дела бывали в Коломенском уезде...

«Чёрные мужики»

История винного откупа в Российской Империи прекратилась в 1861 году, с отменой крепостного права. При новом правлении императором Александром II были начаты многочисленные реформы, которые коснулись и винного торгова. Вместо откупа в 1863 году был введён акцизный сбор. По новым правилам право винокурения предоставлялось каждому. Владелец винокуренного завода должен был уплатить патентный сбор в размере шести копеек с каждого ведра ёмкости действовавших на заводе квасильных чанов. Акциз со спирта, вина и водок из свёкლოსахарных остатков, медовой пены и восковой воды исчислялся по содержанию в них безводного спирта и взимался в казну по мере их продажи в размере 9,25 копеек с градуса по металлическому спиртометру. А в 1894 году в Рос-

сийской Империи была введена винная монополия, которая затрагивала области производства и очистки спирта и торговлю крепкими напитками. Винокуренные заводы могли принадлежать частным предпринимателям, однако производимый ими спирт покупался казной, проходил очистку на государственных складах, и выработанная из него водка и другие напитки продавались в государственных винных лавках, которые стали называть «монополями».

После начала Первой мировой войны, летом 1914 года, в Российской Империи ввели запрет на продажу спиртных напитков, и этот «сухой закон» сохранялся ещё несколько лет после революции. Поразительнее всего было то, что в новой экономической формации, называемой социализмом, частная торговля спиртными напитками сохранялась, и хотите верьте, хотите нет, — но и процветала. Порукой тому будет рассказ о легендарной частной торговой корпорации «Чёрные мужики», которая просуществовала в Коломне не один десяток лет.

* * *

Само её появление являлось своего рода небольшим чудом: на дворе стоял 1947 год, советская власть пребывала во всей красе — одно слово, «сталинизм», — а на Бобровской улице (ныне проспект Лебедянского), в пристройке к стене парикмахерской, совершенно официально открылась частная лавочка, торговавшая «распивочно и на вынос» горячительными напитками и пивом. Хозяин заведения был приезжий человек, уроженец славного города Кутаиси Климентий Тимофеевич Бакуचाва. Он словно шагнул в реальность с картин Пиросмани: небольшого роста, толстенький, румяный, с пышными чёрными усами, кончики которых были лихо закручены вверх. Облачался Климентий Тимофеевич в необычный для наших мест костюм: носил длинную телесного цвета чесучовую рубаху, подпоясанную узеньким «кавказским» ремешком с серебряным подбором, и галифе, заправленные в мягкие сапожки. Голову он покрывал расшитой бисером шапочкой вроде фески.

Торговая точка Бакучава была совсем не велика — всего три на пять метров. Это пространство разделялось прилавком-стойкой, на котором помещался бочонок с водкой, бочка с пивом и противень всегда горячих пирожков с ливером. Позади прилавка, у стенки, имелась полка с образцами вин, но они не пользовались особым спросом. Обычный набор клиента был таков: сто пятьдесят граммов водки, кружка пива и пирожок. Всё это стоило десять рублей (при среднем заработке рабочего на заводе 750–1000 рублей в месяц). Вдоль стен приколочены были узкие длинные полки, на которых только и помещались стакан да кружка. Долго торчать у Бакучава было не принято: зашёл, «вмазал полтора», закусил, выпил кружку пива и топай — дай место другому.

По воспоминаниям людей, Климентий Тимофеевич был человеком весёлым и учтивым: каждого уходившего он провожал присловьем, памятным ещё многим коломенцам:

— Будтэ любэзны, заходытэ ещэ!

У Бакучава были лучшие натуральные вина в городе. Работяги их особо не жаловали, но если требовалась бутылочка настоящего вина «к

случаю», шли к Климентию Тимофеевичу. Иногда за хорошим вином к Бакучаве приходили женщины, и хозяин обслуживал их без очереди, буквально вылезая из кожи от готовности услужить. Зная это правило, никто из мужчин не роптал, смиренно ожидая, когда хозяин закончит дела с покупательницей.

Тонко разбираясь в сложных человеческих отношениях, Климентий Тимофеевич помогал решать весьма деликатную проблему. Заводские начальники в массе своей были людьми столь же простых привычек, что и рабочие, но ронять авторитет, «закладывая за галстук» в компании подчинённых, им было не с руки. Чтобы не вводить одних в пустые затруднения, а других в соблазн панибратства, Бакучава сзади своей распивочной пристроил небольшую комнатку-чуланчик, где уединялись те, кто не мог себе позволить выпивать на людях. Обычно этой комнатой пользовались руководители рангом от заместителей начальников цехов и выше, а также заводская «техническая интеллигенция», официально называемая «ИТР высших разрядов». Для них Бакучава держал грузинский коньячок.

Место для своего заведения «чёрный мужик» выбрал невероятно удачно: мимо него пролегал главный путь на Коломзавод, который тогда работал в три смены. Трижды в день по Бобровской проходили тысячи людей, возвращаясь с работы, и многие из них регулярно заглядывали к Климентию Тимофеевичу, чтобы «освежиться после трудов праведных». При таких благоприятных обстоятельствах бизнес «чёрных мужиков» процветал, и вскоре Климентий Тимофеевич расширил своё заведение за счёт помещения парикмахерской, возле которой прежде ютилась распивочная.

В делах Бакучаве помогали жена и дочь Элико — дородная и громогласная грузинка с таким же, как у отца, румянцем во всю щёку. Неслабую грудь Элико Климентьевны всегда украшал значок горного инженера, но где и за что она его получила — спросить никому не приходило в голову. Позже Элико вышла замуж за земляка — здорового краснолицего грузина, носившего кепку-«аэродром» невероятного размера, который стал помогать тестю.

Семейство Бакучавы совсем обжилось в Коломне: они купили дом на Пионерской улице, напротив детского садика. Богатство Климентия Тимофеевича, щедрость и умение вести дела превратили Бакучаву в городскую персону, и, скажем, когда он являлся в коломзаводскую баню, его визит производил настоящий фурор. Не менее трёх банщиков суетились вокруг «чёрного мужика»: тёрли ему спину, окатывали из тазиков, заворачивали в простынку, исполняли все его поручения. За услуги Климентий Тимофеевич платил каждому банщику не менее пятидесяти рублей — так он «купцевал», и это была одна из немногих возможностей для него открыто попользоваться своим богатством. Будучи человеком умным, как-то ещё «по-особенному» открыто швыряться деньгами Бакучава себе не позволял. Это спасало его от зависти людей и лишнего любопытства со стороны «тех, кому больше других надо».

Как именно Бакучава вообще уживался с советской властью — сказать весьма затруднительно. Изначально в городе бытовала версия о том, что Бакучава грузин, и вроде бы как Сталин не позволял «наезжать» на своих соплеменников кому бы то ни было, и по его милости они пользовались некоторой свободой в делах коммерции. Но вот уж и Сталин

помер, и культ его личности развенчали, а дела Бакучавы процветали по-прежнему.

Впрочем, заведение Климентия Тимофеевича было далеко не единственным частным питейным заведением в Коломне. Выходцы с Кавказа, которых в городе называли общим званием «чёрные мужики», владели несколькими торговыми точками в городе. Ещё с царских времён и НЭПа торговля напитками в розлив располагалась на углу улиц Уманской и Красногвардейской, в первом этаже двухэтажного дома. Несколько подобных заведений функционировало прямо на центральной улице Октябрьской революции. Одно из них, распивочная в маленькой пристройке об одном окне напротив булочной «Урожайная», принадлежало грузину Ардалиону, которого коломенцы звали Андреем. Он мог похвастаться особенным постоянным клиентом: к Ардалиону-Андрею любил заглянуть наш знаменитый земляк, дважды Герой Советского Союза лётчик Зайцев, который в закатные годы жизни прикладывался к чарке регулярно и весьма основательно.

Возле станции Голутвин вёл торг напитками грузин Костя, а у него работал земляк Саша, который бросил своего хозяина и перебежал к Бакучаве, став младшим партнёром фирмы после того, как в начале шестидесятых годов Элико Климентьевна взяла все дела в свои руки. Это пришлось сделать из-за того, что старик Бакучава пристрастился к азартным играм и стал спускать в картишки слишком много денег. Муж Элико, будучи почти неграмотен, выше помощника не поднялся и по своему положению в фирме был чуть выше собиравшего стаканы Саши только из-за статуса «мужа при жене».

При Элико фирма стала торговать вином, поскольку государство ввело ограничения на продажу водки. Вино же «чёрным мужикам», во главе которых стала Элико Клементьевна, привозили из Грузии в бочках, и здесь они его реализовывали в розлив с большой выгодой. Но это была уже «лебединая песня» знаменитого заведения.

В семидесятых годах все частные лавочки в городе не выдержали конкуренции с государственными «разливашками». В райпотребсоюзском «Погребке» и принадлежавших тресту столовых кафе-стекляшке «Рябинка», в «Десятке» при «Доме приезжих», в легендарной «Реченьке», более известной под названием «Бабы слёзки», в круглой «Шайбе» на повороте трамвая подле старого «Детского мира», в «Сохе» при рынке на улице Левшина с семи утра до семи вечера продавали пиво и в розлив креплённое вино типа «красненькое»: так называемые портвейны «Кавказ», «Агдам», «Биле мицне» и прочие в таком роде, относившиеся к напиткам класса «дёшево и сердито».

Торговля у Бакучавы продержалась дольше других, большей частью из-за сложившихся привычек, однако и «чёрные мужики» в конечном счёте прикрыли своё дело. Дом они продали и уехали на родину, однако память о «чёрных мужиках» жива в Коломне и поныне, став частью городской истории.